

Н.Д. ГОЛЕВ
ЮРИДИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНФЛИКТОВ КАК ОСНОВАНИЕ
ИХ ТИПОЛОГИИ

1. Исходные положения

В настоящей статье рассматривается сфера социальной жизни, в которой взаимопроникновение языка и права носит фундаментальный характер – это **сфера языковых (речевых) конфликтов**. Статья развивает тезис, согласно которому лингвоконфликтология¹ есть базовая лингвистическая дисциплина, объединяющая язык и право на их глубинном уровне, поскольку и в том и другом конфликтность составляет сущностное свойство.

Целью статьи является выявление и обоснование параметров типологии и разработка на их основе классификаций языковых конфликтов под общим углом зрения, заданным их отношением к системе правового регулирования. Предлагаемые классификации не представляют конечной цели исследования. Главная их задача - выявление с их помощью особенностей юридизации естественного языка как ядра социальной коммуникации; в своем большинстве классификации имеют градуальный характер, заданный таким параметром, как степень их юридизированности. Основной вектор градуальности задают инвариантная детерминационные цепочки: потенциальная конфликтность – реализованные конфликты (степень реализованности), конфликты естественного языка – социальные конфликты (степень социализированности), потенциал юридизации – реальная юридизация (степень юридизированности).

Обычное определение понятия «юридизации» носит общий характер и трактуется в словарях как «придание каким-л. фактам, отношениям правового характера»². Конкретное содержание этого понятия в разных работах зависит от понимания сущности права их автором. Наибольшей объяснительной силой для проблемы юридизации языковых конфликтов имеет трактовка права через понятие нормы права (см. например: [Алексеев, 1999, с.58; Теория государства и права, 2003, с. 137-143]). Одна из таких трактовок гласит, что правовая норма – это «модель, эталон

¹ Данная научная дисциплина еще не выделилась как самостоятельный раздел лингвистики, и термин «лингвоконфликтология» пока не обрел статус устойчивого и общепринятого (см., например, его спорадическое использование в работах: [Даниленко, 2006, с. 89-98; Непшекуева, 2006], хотя очевидны возрастающая потребность в этом разделе и наличие предпосылок для этого. Юрислингвистика служит важным катализатором в динамике данного процесса.

² В ряде словарей указывается, что употребление этого термина имеет оценочную коннотацию - «подчеркивание юридической стороны вопроса, явления». В статье термин «юридизация» употребляется исключительно в нейтральном, терминологическом смысле – приобретение явлением (тем или иным социальным отношением) правового статуса.

типизированного, притом – официального, публично обязательного решения жизненных ситуаций определенного рода» [Алексеев, 1999, с. 60]. Если стремиться далее к конкретизации словосочетания «*ситуации определенного рода*», то это приведет к параметру распределения конфликтных ситуаций на шкале степени их юридизированности. Право регулируют прежде всего ситуации с большим потенциалом конфликтности, выход которого «наружу» может привести к серьезному сбою жизнедеятельности общества. Стихийное бытие таких конфликтов неизбежно разрушает общество как целостную систему, вследствие чего вся его энергетика может уйти в их разрешение. Стихийные этап регулирования социальных отношений обычно олицетворяет мораль, однако моральные нормы не способны системно регулировать многие типы конфликтов, в этой сфере затруднительно обеспечить системно справедливое их решение.

Социальные конфликты разрешаются на разных уровнях и разными способами. Правовое разрешение – одно из них. Институт права в своей активной форме предполагает цивилизованное решение наиболее острых социальных конфликтов, а самим фактом существования такого института выполняет профилактическую функцию. Право возникает как юридизация социальных отношений³, чреватых возникновением конфликта. «Если причина конфликта связана с правом или действия противостоящих сторон выливаются в правовую сферу, то такие конфликты можно отнести к юридическим» [Арабаджиева, Гомонов, 2006, с. 142]. Конфликты, связанные с использованием языка, естественно назвать **ЛИНГВО-ЮРИДИЧЕСКИМИ**.

Их разноаспектной, многовариантной типологии и посвящена данная статья. Инвариантным «пафосом» для нас является ориентация всех предлагаемых далее типологий на юридическое функционирование языка, что предполагает вычленение в собственно языковых конфликтах **предпосылок** их юридизации, дальнейшее преобразование «предпосылок» в лингво-юридические конфликты, которые на этой стадии классифицируются уже на юридических основаниях.

В соответствии с этим в параметрах типологии лингво-юридических конфликтов, вытекающей из взаимодействия языка и права, выделим два аспекта: языковой аспект (он представлен далее в разделах 3, 4, 5) и юридический аспект (раздел 6). Их описание предваряет раздел 3, имеющей более общее, универсальное содержание.

2. Аспекты юридизации

³ Юридизация - придание каким-либо фактам, отношениям правового статуса, характера; подчеркивание юридической стороны вопроса, явления – обычно рассматривается в юридической литературе в связи с общими вопросами государства и права, применительно к юридизации конфликтов; см., например: [Юридическая конфликтология, 1997; Арабаджиева, Гомонов, 2006; Конфликты в современной России, 1999; Астахов, 2002; Семенова, 5, 2001].

Естественный язык попадает в сферу юридического функционирования разными путями: в одном из них он выступает в качестве **средства** юридической деятельности, в другом – в качестве ее **объекта**.

Эта же оппозиция принципиально важна при оценке роли языка в противоправной деятельности: в одних случаях язык выступает средством совершения правонарушений самого разного рода (например, мошенничества с использованием нейролингвистического программирования) в других – язык (точнее здесь сказать, – на сам язык⁴, а языковые права человека) – объект преступного посягательства.

Аспект «язык – средство юридической деятельности» предполагает использование естественного языка в законотворческой деятельности (при создании законов и других юридических документов) и в деятельности законоприменительной (при толковании текстов закона и других юридических документов, следственных действиях⁵). И та, и другая сферы служат источником языковых конфликтов, возникающих в силу особенностей естественного языка: его антиномического бытия, стихийности законов существования, полевого устройства семантики языковых единиц, вступающих в противоречие с требованием жесткой семантизации юридического текста. Основная фабула лингво-юридических решений связана с несовпадением их лингвистических и юридических презумпций: с одной стороны, множественность интерпретации для естественного языка является объективным механизмом его функционирования, и, с другой стороны, - активно действует стремление к ее преодолению в юридическом языке. Для этой цели нередко задействуется механизм лингвистической экспертизы законопроектов и других важных официальных документов. Весьма регулярна потребность в юрислингвистах и при толковании текстов уже принятых законов.

В аспекте «язык – средство воплощения и осуществления юридической деятельности» преобразование естественного языка в юридический предполагает в первую очередь преодоление потенциала множественной интерпретации речевых произведений, к чему направлена в основном юридическая техника, достигшая на этом пути определенных успехов и долгое время обеспечивающая вполне успешную правовую коммуникацию. Тем не менее у нее есть серьезные ограничения в сфере

4 Употребив выражение «сам язык – объект посягательства», считаю нужным заметить, что теоретически возможно постановка вопроса о том, к какому типу объектов правовой защиты может быть отнесен язык. Это вопрос о том, следует ли ставить язык в ряд с культурными или природными ценностями, которые принадлежат всем и никому отдельно, или это ценность, могущая при определенных условиях стать собственностью, то есть быть покупаемой или продаваемой и каковы эти условия? Такие вопросы пока не ставятся ни в теории права, ни в лингвистической теории, но думается, что сама такая постановка вопроса правомерна и перспективна (см. ее обсуждение в работе: [Голев, 2007]).

5 Частный случай использования языка (речевого материала) в аспекте «средство правовой деятельности» возникает на этапе следствия при идентификации личности по тексту.

взаимодействия текста закона с рядовыми законопослушными гражданами, поскольку множественность интерпретации является естественным механизмом интерпретирующей деятельности сознания (и способом бытия истины). Ограниченные возможности стратегии, ориентированной на однозначность понимания, особенно значимо проявляются в обыденном толковании текста законов рядовыми законопослушными гражданами, не владеющими юридическим языком, хотя именно для них законы и предназначены. Они сводят специальные смыслы слов и выражений к обычным, особенно при их формальном совпадении (омонимичности). В этой коллизии заключены серьезные причины конфликтов в юридическом функционировании языка в обыденной сфере.

Аспект «объект» актуализируется в ситуации законодательной деятельности, когда функционирование естественного языка подлежит юридическому регулированию (например, при принятии законов о государственном языке или законов, ограничивающих использование некоторых средств языка в различных ситуациях) и в ситуации законоприменительной – в следственных действиях и судебном разбирательстве, когда они, во-первых, стали предметом правонарушений, то есть нарушений законов, регулирующих использование языка, или, во-вторых, в случаях, когда речевые действия оказались **средством** осуществления различных правонарушений. Необходимость в экспертизе в данных случаях возникает в результате обращения к лингвистам со стороны следственных органов, участников судебных разбирательств для разрешения спорных ситуаций или извлечения необходимой информации. Иное содержание «правовых норм, связанных с языком, возникает в связи с функционированием русского языка как государственного, который выступает здесь не как средство правонарушения, а как нематериальная ценность, защищаемая правом.

Если юридический язык и юридическая техника призваны предотвращать и разрешать конфликты индивидуально-субъективной интерпретации, преодолевая ее разнообразие, то государственный язык призван регулировать конфликтные ситуации, возникающие в пространстве (федеративном, международном) разнообразия наций и национальных языков. В этом смысле литературный язык возникает как средство разрешения конфликтов в пространстве социального разнообразия языковых коллективов, которое составляют диалекты, жаргоны и т.п.

Естественный язык – средство правонарушения объект юридической деятельности. Существенно иные грани юридизации естественного языка возникают в ситуации когда язык, выступая средством правонарушения, становится объектом следственных действия, судебной лингвистической экспертизы и судебного разбирательства. Такая ситуация возникает в случаях, когда язык используется для нанесения морального ущерба личности (оскорбление), манипулятивных действий,

плагиата и т.п. Особый тип отношений языка с правом образуется в идентификационных экспертизах, когда речевые произведения сами по себе не являются средством правонарушения, но их анализ позволяет провести те или иные следственные и /или судебные действия.

3. Языковые аспекты типологии потенциальных лингво-юридических конфликтов

Конфликтность лежит в самой природе языка, сотканного из противоречий. В конечном итоге они являются главным основанием его жизнеспособности. Язык есть внутреннее, имманентное само детерминируемое системно-структурное образование и одновременно всеми своими генетическими и синхронными основаниями он является антропологической сущностью, бытующей только в социуме. Язык используется человеком для решения самых разных задач, возникающих при коммуникативном взаимодействии людей. Поэтому его антиномии в социальном функционировании регулярно и, по-видимому, неизбежно актуализируются как социальные конфликты. Основной канал социализации – проекция имманентных противоречий языка как системно-структурного образования в сферу речевого взаимодействия языка, в которой ядерным (универсальным, регулярным, неизбежным и, как представляется, необходимым) является конфликт автора речевого произведения и его потребителя-адресата⁶. Все сказанное касается и речевого функционирования языка. Каждый речевой акт – это преодоление противоречий, каждое речевое произведение, достигшее коммуникативного эффекта, – это ситуативно снятое противоречие, не достигшее – не снятое. Таким образом конфликтность языка и речи – отнюдь не периферийное их свойство, а некоторый принцип внутреннего их устройства, функционирования и развития.

Со стороны языка все языковые конфликты, исходя из уже сказанного можно разделить по аспектам их возникновения, протекания и разрешения на системно-языковые (имманентные) и функционально-речевые (непосредственно социальные). Как было замечено выше, содержание конфликтов определяют внутренние антиномия языка, реализация конфликтного потенциала которых осуществляется в речевой сфере прежде всего в рамках противоречивого взаимодействия продуцента и реципиента речи: первый склонен к свободному, без ограничений выражению своих мыслей и эмоций со стороны языковых и других норм, второй предпочитает, чтобы выражение находилось в пределах общепринятых норм и, следовательно, в пределах его адекватного понимания. Легкость понимания далеко не всегда коррелирует с легкостью (свободой) выражения мысли, и этот конфликт распределяет

⁶ Этот конфликт одновременно и внутренний, так как представляет две позиции (два коммуникативных статуса) одного носителя языка, в каждом коммуникативном акте решающим «дилемму» выбора автороцентрической или адресатоцентрической позиции.

интересы автора и потребителя по разным полюсам языковых антиномий. Нормы «урезонируют» говорящего, предписывают алгоритмы речевого поведения, его «просто самовыражение» обязывают быть выражением для других.

4. Имманентно-языковые параметры типологии

4. 1. Антиномический параметр

Наиболее острыми являются конфликты, связанные с антиномическим соотношением плана выражения и плана содержания языка: язык конечным числом средств стремится выразить смысловую бесконечность; носители языка не всегда оказываются на высоте разрешения асимметрии языка и каждого отдельного языкового знака, отсюда в функционально-речевой сфере возникают помехи и конфликты, связанные с непониманием, недопониманием, не-так-пониманием, амбивалентным пониманием и т.п. Язык одновременно является объективным и внешним, поскольку призван объективировать продукты внутренней ментальной деятельности человек, и субъективным и внутренним, поскольку не может функционировать иначе, как через субъективный отбор средств выражения и субъективную интерпретацию речевого произведения. Язык одновременно рукотворен и стихийен, никому не принадлежит и принадлежит всем и каждому. Язык одновременно статичен и устойчив, историчен и современен, системоцентричен и антропоцентричен. Язык отражает внеязыковые сущности и одновременно условен по отношению к ним. Последнее касается и внутреннего устройства языка, взаимодействия его подсистем; актуализируем в связи с этим антиномию естественного общенародного языка и языков специализированных (в частности, юридического), которые, хотя и базируются на первых, но стремятся к определенной независимости от них, что это нередко образует ситуацию конфликтности⁷. Каждая антиномическая разновидность бытия языка может быть проиллюстрирована реальными конфликтами, в том числе такими, которые вышли в юридическую сферу. В качестве таковой иллюстрации антиномии исторического и современного бытия языковой системы приведем ситуацию утраты словом инвективного (оскорбительного) потенциала отдельных лексем: лексемы, которые полтора столетия назад были весьма оскорбительными (например, *негодяй, подлец, мерзавец*) сейчас в качестве таковых не воспринимаются и «дрейфуют» в сторону нейтрального негативно оценивающего человека выражения «безнравственный человек». Полная и системная антиномическая

⁷ Конфликты в рамках данного противоречия могут возникнуть как на стадии создания закона (например, известна дискуссия в Государственной Думе по поводу нелитературного выражения «отмывание денег», который был использован в одном из законопроектов), так и на стадии применения текста закона (например, при толковании неоднозначных выражений или терминов, использованных в тексте закона).

типология языковых конфликтов в этом плане – одна из наиболее важных и интересных задач лингвоконфликтологии, предмет которой – язык в его особом функционировании, ее можно было бы именовать экстремальной лингвистикой, лингвистикой конфликтов, или, может быть, даже «конфликтотоллингвистикой».

В завершение экскурса в антиномический параметр лингвоконфликтологии отметим, что противовесом конфликтному функционированию языка мы считаем толерантность (как способ снятия конфликтности)⁸.

4. 2. Уровневый параметр

Деление конфликтов по уровню (плану) языковых средств, ненормативное использование которых привело к конфликту, не нуждается здесь в детализации, поскольку уровневые типы норм и нарушения норм хорошо известно лингвистам, давно изучающим такие проблемы, как природа, виды нарушений языковых норм⁹ и типы коммуникативных неудач¹⁰, являющихся предпосылками языко-речевых конфликтов. Уровневые конфликты «простираются» от фонетических конфликтов до конфликтов, связанных с построением текста. Они весьма разнообразны в роли источника конфликтов, как разнообразны и социальные следствия таковых конфликтов. Не ставя задачи типологического охвата всего этого разнообразия, укажем лишь на некоторые общие тенденции в реализации конфликтогенного потенциала нарушений норм разных уровневых типов и их перерастанию в лингво-юридические конфликты.

Если дифференцировать нарушения жестких, однозначных предписаний языка (системно-грамматический план языка) и предписаний в «слабых» позициях, допускающих выбор вариантов, один из которых признается нормативным (стилистический план) или более соответствующим смыслу контекста (семантический план), то первые из нарушений в коммуникативном отношении, как правило, более «грубые», поскольку являются сильным помехообразующим фактором и способны существенно влиять на понимание [Голев, 2000] и, следовательно, их конфликтогенный потенциал выше. Трудно представить себе серьезный конфликт на почве употребления словосочетания, скажем, *пять килограмм* или *пять килограммов*, *пять мандарин* или *пять мандаринов*; но, скажем, уже словосочетания типа *люблю килограммов* или *люблю мандаринов* нарушают достаточно жесткие законы управления и выбора словоформ в

⁸ Данный аспект был проанализирован нами в разделе «Толерантность как вектор антиномического бытия языка» коллективной монографии «Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности» [Голев, 2005].

⁹ Отметим, например, следующие работы, в которых предлагаются классификации речевых ошибок в русских текстах: [Бутакова, 1998; Голев, 2002; Горбаневский, Караулов, Шаклеин, 1999; Немытченко, Бутакова, 1999].

¹⁰ См. например: [Давыденко, 2006; Земская, 1993].

парадигме одушевленности и могут создать серьезные помехи в понимании всего контекста, в который они включены.

Можно было бы предположить, что нарушения норм на более глубоких уровнях (пресуппозиции, семантический синтаксис, синтаксические связи) и т.п. статистически более чреваты серьезными конфликтами, чем на уровнях поверхностных, но это утверждение нуждается в основательной конкретно-исследовательской верификации. Причина этого в том, что хотя, с одной стороны, глубокие уровни касаются более значимых для коммуникации смыслов, но, с другой стороны, они устроены как более гибкие системы, допускают вариативность, являющуюся, на наш взгляд, фактором помехоустойчивости (см. предыдущий пункт). Тогда как нарушения на поверхностных уровнях нередко становятся причиной или поводом конфликта. К примеру, мелкий шрифт становится средством манипуляции в договорных документах различных финансовых пирамид и сетевого маркетинга, в которых существенные моменты договора фиксируются именно мелким шрифтом в периферийных местах письменного текста. Если буквы Е и Ё в естественной письменной коммуникации не требуют регулярной дифференциации, то в юридических документах их неразличение – серьезный источник правовых конфликтов. Антропонимы, эргонимы, топонимы в словарном составе языка традиционно представляют как маргинальную лексику, но в плане регулярности лингво-юридических конфликтов они значительно превосходят «ядерные» группы лексики: абстрактную лексику, служебные слова и т.п.. Впрочем, это не относится к местоимениям и числительным. Обилие таких примеров позволяет высказать осторожную гипотезу об обратно-пропорциональной зависимости «высоты уровня» и его реализации в сфере юридического функционирования языка. Априори трудно утверждать, где больше вероятность коммуникативного сбоя и активного возмущения адресата (то есть прямого конфликта), скажем, при нечеткой дикции (поверхностный уровень) или нечетком структурировании развития темы (глубинный уровень). Во всяком случае, казалось бы, поверхностные паралингвистические компоненты речевой деятельности (например, манера поведения) несут в себе очевидный высокий потенциал конфликтности. Прежде всего потому, что они как бы управляемы адресатом, он, по мнению собеседника, имеет возможность быть другим, поэтому выбор ненормативной формы (произношения, поведения) оценивается им негативно в этическом смысле. Логическая несвязность, скорее всего, оценивается как некое всегда присущее свойство адресата, которым он не волен управлять, и поэтому возможное недовольство не становится фактором межличностного конфликта. Недостатки, скажем, логики прощаются и потому, что не замечаются. Обычно в обыденной речи логикой вообще не руководствуются – здесь господствуют прагматика, эллипсис, контекст – ситуативный и речевой, чистая логика мало востребована в естественной коммуникации.

5. Функционально-речевые параметры типологии

Выделим некоторые типы конфликтов, возникающих при осуществлении коммуникативной функции в социальном взаимодействии людей. Параметры такой типологии разнообразны, и число их трудно прогнозировать.

5.1. Содержательная типология конфликтов по уровню их социализации

Уровень естественных коммуникативных помех. Собственно коммуникативная конфликтность не выходит в сферу социальных отношений, конфликты возникают по поводу самого протекания коммуникативного акта. Как правило, в языке находятся внутренние механизмы предупреждения и регулирования таких конфликтов, которые правильнее было назвать помехами. Иллюстрацией их предупреждения может послужить, например, избыточность фонологической защиты звуковой оболочки слов, позволяющую избегать смешивания звуковых комплексов слов и выражений. Внутренние регуляторы помех – прежде всего нормы, одинаковые как для автора речевых произведений, так и для их потребителя, таковы нормы речевого поведения при возникновении помех, их иллюстрируют фразы-регуляторы типа *Говорите громче, Повторите, Уточните*. Разумеется, механизмы защиты и регулирования могут не выдержать нагрузки и тогда помехи перерастают в конфликт.

Культурно-эстетический уровень конфликтности. Многие нормы проецируются на шкалу оценок человека по степени его «культурности». Если кто-то говорит *кушать* или *лопать* вместо *есть*, то это не выходит на уровень социального конфликта, но автор такого речевого произведения маркирует себя как человек некультурный, человек с плохим языковым чувством и т.п.

Этико-психологический уровень конфликтности. Часть конфликтов от уровня помех, переходят на уровень этических норм. В первую очередь их иллюстрируют нарушение коммуникативных кодексов типа постулатов Грайса, например, использование в общении с незнакомыми людьми жаргона, просторечий, заведомой пошлости. Одной из наиболее важных свойств таких норм, отличающих их от предыдущих, является высокий уровень конвенциональности и условности (в этом смысле помехи более приближены к уровню естественных источников конфликтности). Нарушение таких норм получает этические оценки типа «неуважение к говорящему», «стыдно так говорить», этико-психологическим чувством обиды и т. п. В этой сфере возникает состояние, называемое лингвистами коммуникативным дискомфортом [Мартынова, 2000].

Уровень официальных конфликтов характеризуется высоким уровнем социальной значимости, на наиболее высоком уровне их регулирование осуществляется официально признанными нормами социального поведения. По степени социализации их можно разделить на корпоративные и общесоциальные.

Корпоративные нормы весьма разнообразны, они формируются в разных социальных группах коллективах.

Необходимость предупреждения конфликтов как следствия таких нарушений нормы порождает регулирование речевого поведения *официально закрепленными нормами*. Они могут быть зафиксированы как некие требования для членов данного языкового коллектива. Так, в тех профессиональных сферах, где хорошее владение речью является признаком профессионализма, низкая речевая культура может стать законным основанием запрета на профессию. К примеру, неследование орфографическим нормам в обыденной среде (например, на чатах и блогах Интернета) обычно либо не замечается коммуникантами, либо, даже если замечается, не оценивается отрицательно (хотя и здесь немало исключений, чему свидетельство дискуссии по поводу неграмотности участников электронного общения), но в журналистской или учительской среде орфографическая безграмотность может быть расценена как несоответствие профессии, что не исключает применение санкций – один из главных признаков юридикации. Смежный, но другой тип официализации культуры речи наблюдается на вступительных экзаменах, когда число ошибок в диктанте (изложении, сочинении) дает или не дает право получить ту или иную форму образования или профессию. Таким образом, даже «естественные» нормы в определенных условиях юридикаются.

Наиболее высокий уровень социализации конфликтов связан с их *юридикацией*, обусловленной необходимостью их регулирования через нормы права. Типологию юридикационных конфликтов вынесем в отдельную часть нашего доклада, поскольку таковая составляет основной его предмет.

5.2. Другие параметры типологии конфликтов по уровню их социализации

Называемые ниже параметры классификации языковых конфликтов являются

Универсальными для разных видов конфликтов (социальных, психологических, юридических) и часто называются в учебниках и монографиях по общей и специальной конфликтологии. В своем большинстве они представляют собой параллельные линии нарастания социализации, параллельные линии содержательных типов языковых конфликтов.

1) По способам проявления конфликтности на разных уровнях социализации их можно разделить на проявленные и не проявленные. К последним следует отнести два подтипа: потенциальные (собственно предпосылки) и не проявившиеся, то есть такие, которые, имея все реальные признаки конфликта, остаются незамеченными и по тем или иным причинам неактуализированными.

2) По коммуникативному статусу участников: конфликты с активным автором – провоцирующим конфликт, с активным реципиентом,

интерпретирующим речевое произведение таким образом, что это становится причиной конфликта, обоюдные конфликты.

3) По социальному статусу участников конфликта их можно разделить конфликты на официальные и неофициальные (развертка уровня официальности будет представлена далее). Здесь мы отметим параметр данной оппозиции, связанный с содер Санкции в том или ином виде присущи разным уровням регулирования конфликтов. Неофициальные санкции

4) По количеству участников конфликта и по их социальному статусу можно выделить конфликты двух типов участников: автора и адресата, конфликты автора или реципиента с коллективом, конфликты коллективов.

5) По характеру действия участников конфликта по его созданию и развертыванию типология начинается с разделения неумышленных и умышленных конфликтов. Категория умысла обладает большой значимостью в теории и практике права, и данный параметр определяет одну из важных линий юридикации. Неумышленные конфликты связаны с невольными нарушениями норм, приводящими к конфликтным ситуациям, например, неясности или двусмысленности в тексте договора или законодательного акта приводят к конфликтной ситуации. Но уже нарочитая неясность или двусмысленность – может трактоваться как правонарушение (мошенничество). Точно так же невольная цитата принципиально отличается в юридическом смысле от плагиата.

Умышленные конфликты можно классифицировать на разных основаниях. Одно из них – цель и способ конфликтообразующих действий. С этой точки зрения их возможно разделить на манипулятивные и агрессивные. Первые связаны с воздействием на интеллектуально-волевою сферу адресата, когда манипулятор строит свое речевое поведение таким образом, что при планировании ответных действий у адресата отключаются важные его (планирования) элементы (например, средств и способов достижения результата и/или оценка его следствий) или механизмы контроля за осуществлением действий, в результате чего адресат совершает действия, которые он не совершил бы при наличии свободного (ненавязанного) выбора. Намеренно-агрессивные действия направлены на морально-психологическую сферу личности, на разрушение ее, на нанесение ущерба психологическому состоянию личности.

Основательная типология конфликтов агрессивного и манипулятивного типов разработана К.Ф. Седовым в статье [Седов, 2005]. В числе оппозиций, в рамках которых различаются виды агрессии, автор включает следующие: вербальная - невербальная, прямая - косвенная, инструментальная- неинструментальная, инициативная- реактивная, активная- пассивная, непосредственная- опосредованная, спонтанная - подготовленная, эмоциональная - рациональная, сильная - слабая, враждебная- невраждебная. Виды манипуляции, по К.Ф. Седову, различаются в параметрах: продуктивная - непродуктивная, вербальная -

невербальная, инструментальная - неинструментальная, осознанная - неосознанная, непосредственная - опосредованная, спонтанная - подготовленная.

Завершая раздел, отметим, что легко представить себе и проиллюстрировать разнообразными примерами манипулятивную стратегию, для осуществления которой используется агрессивная тактика.

б) Разрешение конфликтов различается по типам способов и средств, в том числе санкций. Санкции присущи всем уровням регулирования конфликтов. Неофициальные санкции – замечание, осуждение, возмущение – характерны для коммуникативного, культурно-эстетического и этического уровней социализации конфликта. На корпоративном уровне предполагаются официальные санкции (служебные порицания, увольнение). На общесоциальном – административные санкции, штрафование, уголовное преследование (статья 130 УК «Оскорбление» допускает исправительные работы сроком до одного года).

В перечисленных выше признаках (параметрах) типологии лишь намечаются. Дальнейшая их развертка предполагает самостоятельные исследования

1. Правовые аспекты типологии юридизированных языковых конфликтов

(Типы лингво-юридических конфликтов по роли в них языкового компонента)

Наличие юридизированного содержания в языковом конфликте позволяет типологизировать их с юридической стороны. В нормах права официально фиксируются способы разрешения наиболее значимых социальных конфликтов. Один из наиболее значимых способов – санкция, наказание за нарушение норм. Деяния, квалифицируемые как правонарушения, обязательно наказуемы как следствие принципа неотвратимости наказания. Наложение санкций также носит обязательно официальный характер.

6.1. Правовой статус языковых правонарушений (лингвоюридем)

Юридизация конфликтов происходит в **разных участках правовой коммуникации**: в сфере законодательной деятельности, в сфере законоприменительной деятельности: судебной, досудебной (например, на этапе подготовки иска или непосредственно в следственных действиях), а также в сфере профилактической. На каждом из этих участков присутствует язык в своей естественной или юридической разновидности.

Элементы естественного языка юридизируются в силу необходимости квалификации состава преступления, то есть «подведения» их к определенной статье закона, которая регулирует их (средства, элементы) применение. В этом смысле в данном аспекте можно говорить о языковом злоупотреблении и правонарушении как о единице

юридического функционирования языка, которую по аналогии с другими единицами можно назвать «лингвоюридемой». Например, лингвоюридема «оскорбление» (статья 130 Уголовного кодекса РФ), унижение чести и достоинства личности (статья 152 Гражданского кодекса РФ), «речевое хулиганство» (сквернословие в общественном месте¹¹), статья 297 УК «Неуважение к суду», по которой чаще всего привлекаются участники судебного разбирательства за словесные оскорбления, речевое воровство (плагиат), речевое мошенничество (в предвыборной агитации, рекламной деятельности, псевдомедицинских технологиях). Юридизация языковых средств (например, инвективных лексем) заключается здесь в необходимости их лингвистической оценки на шкале этико-языковой нормативности (приличное/неприличное), которая в суде переводится на шкалу их юридической оценки как оскорбления / не оскорбления, что предполагает наличие специальных легитимизированных пособий (скажем, официально утвержденных словарей как компонентов методик, направленных на правовую квалификацию данного типа рече-языкового материала).

Диапазон статусов языковых правонарушений (лингвоюридем) довольно велик: от международных законов, регулирующих отношения государств и субъектов государственной власти до частных постановлений разного рода администраций.

Международный статус иллюстрирует «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», которая была разработана под эгидой Совета Европы и открыта для подписания европейскими странами 5 ноября 1992 года [Гришаева, 2005]. Внутригосударственный конституционный статус имеют статьи Конституции РФ о государственном языке, статьи гарантирующие человеку право на имя, так, в статье 23 Конституции России указано, что "Каждый имеет право на <...>, защиту (в том числе и судебную - п. 1 ст. 46 Конституции России) своей чести и доброго имени". Возможность языковых правонарушений предусмотрена даже в уголовном праве (в частности, статья 130 Уголовного Кодекса РФ «Оскорбление»¹²), определяемом как «отрасль

11 У этого феномена давняя история. В истории русской культуры к нему сложилось неоднозначное отношение (ср., например, отношение к фривольным стихам Баркова). В Уголовном уложении России говорилось о сквернословии, доходящем крайних пределов цинизма, хождении по улицам толпой с гармониками, криком, шумом и песнями неприличного содержания, стрельбою и т. п.; приставании к прохожим... для того, чтобы их оскорбить и выразить им, вызывающим с ними обращением пренебрежение и неуважение и др.» [Уголовное уложение, 1903, с. 83]. Сейчас появились новые каналы проникновения сквернословия в социальную сферу, например, через рекламу, использующую любые формы привлечения внимания, в том числе и эпатаж, речевое озорство, доходящее до границы с речевым хулиганством (такую пограничную позицию занимают скандально известные слоганы «Евросеть, Евросеть, цены просто ох..еть» и «Вы уху ели?», красующийся у рыбного ресторана в г. Красноярске). Подробнее о границе между озорством и хулиганством как правонарушением см: [Голев, 2005].

12 Имеется мнения и осуществляются действия против наделения высоким статусом языковые правонарушения, в связи с этим ср. декларацию организаторов акции «Против статей Уголовного Кодекса»: «Международные организации, в том числе ОБСЕ, неоднократно обращались к властям России и других стран СНГ с призывом изъять из уголовного законодательства эти статьи или отказаться от их применения. Цель этих призывов единственная – нельзя называть людей преступником за слова, для этого существует гражданское законодательство – демократическая процедура выяснения вины

права, представляющая собой систему юридических норм, охраняющих наиболее важные в данном обществе ценности от посягательств путем объявления определенных деяний преступлениями» (Российская юридическая энциклопедия, 1999, с. 2972).

Менее тяжкие правонарушения регулируют другие юридические своды, например, гражданский кодекс (ст. 152): «Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности»; лингвистическая составляющая этой статьи заключена в понятии сведения, которые на практике часто приходится отличать от мнений и предположений.

В Кодексе административных правонарушений предусмотрена административная ответственность за нецензурную брань в общественных местах, которая квалифицируется как мелкое хулиганство, за которое предусмотрен штраф от 500 до 1500 рублей или административный арест на срок до 5 суток. Такое правонарушение уже не определяется как преступление.

Отдельной классификации по статусу регулирующего документа заслуживают различного рода документация, носящая официальный, но не общегосударственный характер – от договоров частных лиц до ведомственных приказов, постановлений, кодексов.

6.2. Содержательная типология лингвоюридем

При вхождении социальных конфликтов в правовую сферу, в содержание норм права происходит их юридикация. Например, причинение обиды в юридическом смысле не есть правонарушение, это этико-психологическое деяние и такая же реакция на него, а оскорбление уже может быть признано судом правонарушением, поскольку касается социально-значимых характеристик человека и направлено на снижение социального статуса человека в глазах других людей. Нарушение обещаний в сфере отношений мужчины и женщины не есть предмет правового регулирования, но нарушение воинской присяги – предмет соответствующих статей. На грани юридизированного находится такое распространенное явление как сквернословие.¹³ Вопрос о природе

журналиста за искажение фактов, а тем более, недопустимо сажать журналистов в тюрьму» Электр. ресурс: http://www.cjes.ru/actions/action.php?p_id=2.

13 «Вместе с тем слишком значительная распространенность того или иного поступка среди людей иногда служит объективным препятствием для объявления этого поступка правонарушением и тем более — преступлением. Так, нисколько не сомневаясь в общественной опасности пьянства, сквернословия и т.п., право не рассматривает в качестве преступников сквернословящих лиц, злоупотребляющих спиртными

напитками. В противном случае государству пришлось бы применить столь обоюдоострое социальное оружие, как уголовное наказание, к значительной части населения, что явно нецелесообразно. Здесь мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда большинство населения еще не считает пьянство и

нецензурную брань настолько опасными для общества поступками, что их можно было бы включить в официальный перечень преступлений. Условия быта, уровень культуры и образования и некоторые другие моменты таковы, что правосознание населения исключает возможность применения уголовной кары за злоупотребление спиртными напитками, сквернословие и т.п.» [Понятие

юридических норм большой и сложный, и здесь нет необходимости его ставить 14. Далее мы будем рассматривать лишь те признаки, которые важны для типологии языковых юридизированных конфликтов.

В теории права известно положение о том, что в первую очередь юридизируются отношения людей, связанные с собственностью, социальным статусом людей (прежде всего отношения социальной субординации, обеспечивающие полноценное функционирование властных институтов) и отношения, связанные с нематериальными правами личности. В соответствии с этим можно выделить три типа лингвоюридем. Право собственности защищает авторское право (плагиат речевых произведений), закон о рекламе (регулирование дифференцирующих свойств словесных товарных знаков), социальный статус судей защищает статья «Неуважение к суду», право личности на имя и пользование определенным языком защищено Конституцией РФ, честь и достоинство личности защищает статья 130 УК «Оскорбление» и статья 152 ГК РФ. Совершенно очевиден пересекающийся характер многих правонарушений. К примеру, дискредитация личности может одновременно приносить ей статусный и материальный ущерб (репутация в рыночной экономике имеет и материальное выражение)

Литература:

Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., Статут, 1999.

Арабаджиева О.В., Гомонов Н.Д. Юридический конфликт: природа и особенности // Вестник МГТУ, т.9, №1, 2006.

Астахов П.А. Динамика разрешения юридических конфликтов (теоретико-правовое исследование). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Бутакова Л.О. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского университета, 1998, Вып. 2.

Голев Н.Д. О лингвомаркетологии: некоторые размышления по поводу кандидатской диссертации О. Е. Яковлевой «Семиотические прагматонимы современного русского языка (на материале номинаций продуктов питания)» // Вестник Новосибирского государственного университета / Серия «История. филология» -2007. – Том 6. -Вып.2.

правонарушения и его виды // История России: Мультимедиа-учебник. Электронный ресурс: <http://www.history.ru/> По этой причине сквернословие, брань как правонарушение часто вызывает споры в обществе и не только российском, см., например, об этом: [Жельвис, 2000].

14 Отметим, однако, наличие конвенционально-условного (позитивного, по терминологии теории права) компонента содержания правовых норм. Оно, конечно, стремится быть в соответствии с соответствующим социальным (этическим, экономическим, политическим) содержанием, но это стремление необходимо ограничивается, иначе право не сможет выполнять свою регулирующую функцию, хотя бы по той причине, что писанное право должно дискретно представлять социальную действительность, которая по сути своей непрерывный континуум отношений, ситуация вариантов отношений и ситуаций и т.п. Что касается языко-речевой действительности, то ее непрерывный характер в этом смысле, столь очевиден, что не нуждается в пояснениях и иллюстрациях.

Голев Н.Д. Общественная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора) // Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул, 2005.

Голев Н.Д. Ошибка или описка – что хуже?(к основаниям теории функциональной орфографии русского языка) // Речевое общение: специализированный выпуск / Красноярский университет; Под ред. А.П. Сквородникова. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000.

Голев Н.Д. Современная русская ортология: концепция, содержание и программа курса на филологическом факультете // Человек – коммуникация – текст. Вып. 5 / Под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2002.

Голев Н. Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка» коллективной монографии «Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности . - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Горбаневский М. В., Караулов Ю. Н., Шаклеин В. М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ М., Издательство: Галерея, 1999.

Давыденко Л.Г. Порождение коммуникативных неудач // Университетские чтения 2006. Симпозиум 1. Сек. № 1-20. Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. – СПб: СПГЛУ, 2006.

Даниленко О.А. Язык конфликта как объект лингвосоциологии: [характеристики языка конфликта и их социальный смысл на уровне повседневных практик коммуникации] // Социс, 2006. - № 4.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия. – Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии- Барнаул, 2000.

Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно -прагматический аспект / Отв. ред. Е.А.Земская, Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1993. - С.30-64.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – Омск: Гос. ун-т, 1999. - 285с.

Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е.И. Степанова. М., 1999.

Мартынова, Е. М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога . - Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000.

Немытченко Н.Ю., Бутакова Л.О. Основные типы речевых ошибок в письменной речи детей младшего школьного возраста. // Филологический ежегодник. Вып.2. Омск: Омский университет, 1999.

Непшекуева Т. С. Внутрличностный конфликт как лингвистический феномен: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. - Краснодар 2006),

Понятие правонарушения и его виды // История России: Мультимедиа-учебник. Электронный ресурс: <http://www.history.ru/>

Седов К.Ф. «Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации» . -Юрислингвистика-6: инвективное и манипулятивное функционирование языка. – Барнаул, 2005.

Семенова Н.В. Соотношение конфликтов со смежными правовыми явлениями // Юрид. записки ЯрГУ. - Ярославль, вып. 5, 2001.

Теория государства и права: Курс лекций. Под ред.Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд. М.: Юрист, 2003.

Уголовное уложение СПб, 1903, с. 83

Христова Н.А. Нарушение языковой нормы в текстах СМИ: влияние на познавательные структуры индивида: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Тверь, 2006.

Черняк В.Д. «Зоны риска» в лексиконе языковой личности: к основаниям коммуникативных неудач // Вестник Томского госпедуниверситетат. - Выпуск 3, Серия: Гуманитарные науки (философия). 2005

Юридическая конфликтология / Под ред. В.Н. Кудрявцева. - М., 1997;

Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов./ под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2008. – С. 136-155.